

32200

Борона

Цена отдельного номера 10 к.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ журнал

Издание газеты

„БОРОНА“

Адрес конторы и редакции: Кострома, Советская, 18.
Телефон № 3-64.

№ 6 (18)

ИЮНЬ.

1927.

НА БОРЬБУ С АНГЛИЙСКИМ „КРАСНЫМ ПЕТУХОМ“.

АЛЯ СВЕДЕНИЯ !!!
 ТВЕРДОЛОБЫМ ПОДЖИГАТЕЛЯМ
 НЕ ТРУДИТЕСЬ, У НАС
 ИМЕЕТСЯ МОЩНЫЙ —
 ОГНЕТУШИТЕЛЬ
 МАРКИ: Р.К.К.А.
 (РАБ. КРЕСТ. КРАС. АРМИЯ.)

У Советского забора день и ночь
 маячит тень.
 Кто там, — друг, разбойник, вор
 ли — нет, то просто Чемберлен.

В голове одно и то же, шепчет
 в злобе лютый враг:
 — Я пожаром уничтожу нена-
 гистный красный флаг.

Верно, будет очень жарко, но
 кому? Не вам-ли, СЭР,
 Когда в мире вспыхнет ярко—
 вселенский ЭСЭСЭР.

Вдер. Москвино, в отделении об-ва потребителей приказчиком состоит быв. торговец-мясник. Если что-либо потребуется купить, то приказчика в лавке не найдешь, а ищи его дома или где-нибудь в голе.

Говорит мне намеднишь жена:

— Чевой-то я, Степан Аифатыч, селедочки хочу. И в голову не возьму с чего это? Уважь свою единственную супружницу, купи в кооперации селедочку, да чтобы, значит, пузатенькую с икоркой.

Оно хоша время и рабочее было, а пошел—потому как баба в положении, а в это время известно „наваливает“, притом же кооперация через три дома в четвертый, насупротив пожарного сарая. Рукой подать.

— Сию минутку, отвечаю, уважаемая супруга, Марфа Спиридоновна. Не извольте сумнительно волноваться.

Прихожу к кооперации, а на двери замок Туды-сюды—нет приказчика, точно его леший с маслом с'ел. Спасибо соседке—выручила:

— Он, говорит, надо быть, к Мыльнику ушел.

А Мыльников в соседней деревне живет с' полверсты от нашей. Рукой подать.

Обернулся да туда Неудобно женским сословием на седьмом месяце пренебрегать.

Пришел к Мыльнику, а приказчика нет.

— Был, отвечают, да минут десять, как ушел Надо быть, на покос смотреть.

Не ворочаться же, граждане, с пустыми руками по причине несознательного приказчика.

— Нет, думаю, шалишь: коли на то пошло, я тебя найду, друг ситный. Не та теперь власть, чтобы над нашим братом насмешки строить.

А до покоса с версту. Оно хотя и не по пути, но пошел.

Пришел на покос, а он действительно там Лежит на траве на манер турецкого паши и цветочек жует.

— Смотри, говорит, Степан Аифатыч, какая атличнейшая природа разлиняется кругом. Что твои курорты!

— Мне, отвечаю, Сосипатр Петрович, ровным счетом на вашу природу плевать, потому как вы своих прямых обязанностей не исполняете в отношении кооперативного фронта.

— Эко куда загнул, —хохочет, точно Чемберлен с нотой.—Чего тебе?

— Самую пролетарскую селедку, по случаю сильного хотенья жены.

— Вона! Из-за паршивой селедочки я должен природой пренебречь да полторы версты тупить. Не велика барыня, и без селедки обоюется.

— Как, говорю, так Сосипатр Петрович? Насколько помнится, мы тебя приказчиком назначали, а не хозяином Почему-же такая история?

— Эфто, отвечает, дело по твою, а ревизионной комиссии. А сам отвернулся и снова травку жует да пузо чешет.

Уж тут, извините, граждане, погорячился я малость, взял да сиюжком ему в пузо. Не то чтобы сильно, а так до чувствительности.

Ткнул да и пошел домой.

С тех пор в кооперацию ни ногой За всякой мелочишкой к Трескину бегаю Оно хотя и подальше, зато искать не приходится.

А Сосипатр Петрович после этого четыре дня пластом лежал. Вот она селедочка-то!

Осип Бандура.

Снижение.

Два кооператора разговаривают о снижении цен.

— И в ум не возьму, как эти самые цены снизить?! Если, скажем счетовода сократить, отец Варсанофий обидится. А oprичь другого прочего не знаю что?—задумчиво вздыхает один.

— Эх ты, голова с мозгой!—подхватывает другой.—И вовсе этого не требуется. Ты по моему поступи.

— А как? оживляется первый.

— А вот так Скажем, есть у тебя конфеты по 1 рублю и по 60 коп. за фунт, смешай их вместе и торгуй по 90 коп. Коль будет покупатель дешевых спрашивать отвечай нет. Вот, мол, не угодно ли рублевых, по 90 коп. продаем—снижение-с.

Д.

Друзья лишь в горе познаются.

В прошлом году из заготовленных 30.000 пуд льняного семени разошлось по крестьянским хозяйствам только около 13 тыс. пудов.

К нынешней посевной кампании кредитсоюзом распределено по крестьянам-льноводам 34 тысячи пудов льняного семени, то-есть почти в три раза больше прошлого года.

Рожь (в 1926 г.): „—И что это еще за шпана привязалась?... И что только хозяин смотрит?....“

Лен (в 1927 г.): „Надеюсь, тов. рожь, что вы теперь уже не брезгаете мною. Мы вместе стараемся на благо нашего хозяина!“

Без формальностей.

... „И просим вас, товарищи, к этой форме отнестись без формальностей“.

Так заканчивается отношение Чухломского отделения общества по изучению местного края.

Просьба очень убедительная, но, представьте себе, даже такую деликатную, с позволения сказать, приписку выполнить не удалось.

Видите-ли, в чем дело.

Это почтенное учреждение разослало по викам бумажку с приложением 2 форм, а в каждой форме не менее 40 граф. Зачем-то потребовалось Чухломе узнать, сколько у нее отходников. Потому ли, что мировые события этого требуют, или Чухломе делать нечего.

Тем не менее—факт.

Но ей мало узнать общее количество, укажи ты ей по годам, от 20-ти лет, от 40 и от 60.

Один предсельсовета пишет нам:

— Попробовал было я город уважить, дней 10 походил по деревням—7 человек учел, а остальных никак не мог, а их у меня года на два хватит.

Эх, Чухлома, Чухлома—чудная ты.

Свой.

КРЕПНУТ РЯДЫ.

Пухли долинушки
Полой водой.
Ванька из армии
Едет домой.
Вот он приехал
И встал у ворот.

Да делать сыры,
Озолотятся
Мужичи дворы:
Охали бабы,
Пукались в рев:
„Вожья матерь,
Вразумь дураков.
Эко, что брешет —
Пахать под одно,
Как же мы после
Поделим зерно?
Глянуть—так в доме,
Родная семья,
А каждодневно
Ругня да грызня.
Что же тут будет?
Какая артель?..
Только раззор
Да одна канитель“.
Нудно затылки
Скребли мужики:
— „Нам, мол, и старая
Жизнь не с руки.
Все от трехполки
Подождем по-врозь,
Лучше попробовать,
Выйдет, авось“..
Бабы вздыхали
„Не сесть-бы на мель“..
Но заработала
Дружно артель.
Вот замелькали
За днями деньки,
На ноги стали
Вставать мужики.

Нынче краюху
Мужик не жует;
Ладно идет
Маслобыйный завод,
Девичьи песни
Звенят далеко—
Носят по утру
Туда молоко.
Жизнь на селе
Родником забурила.
Все за одно:
„В единении—сила“.

Вот оно счастье
Сегодняшних нив —
Все потому,
Что силен коллектив

И. Г.

**Едешь в город как ни-
будь
Не забудь-ка завер-
нуть
На Советскую тридца-
ть—
На „Зубочек“ подпи-
саться.**

ПОЧЕМУ СМЕЯЛАСЬ ЛОШАДЬ?

Терпеливая и смиренная, покорно поджаривала она свои тощие бока на солнце пеке у магазина Костромского ЦРК, что на улице Луначарского, и отгоняла несносных оводов и мух порывистыми взмахами растрепанного, на кудель похожего, хвоста.

В покупательскую очередь влил ее раскисший и распарившийся от духоты хозяин. В мокром от пота кулаке сжимал он засаленную трешницу, и в ушах его звенел настойчивый, в'едливый бабий голос:

— Аржаной купи.. Не забудь, Ипат!.. В кипирации купи, што-б первого сорту была!.. Не моги без муки домой вернуться!

Не спешно двигались, не спешно отпускали товар приказчики; влажней и влажней становилась трешница в Ипатовой руке, и все порывистей и порывистей орудовала Каурка хвостом на солнце пеке, и все злее и злее жалили ее тощую спину полуденные лучи и оводы.

— Ихххх.. —облегченно вздохнула лошадевка, когда красный, как рак, Ипат взвалил на телегу тяжелый куль и, подергивая возжами, ласково замямлил:

— Ню, милая, шевелись.. Пошевеливай!..

Попржежнему вились мухи и оводы над мерно трюхающей Кауркой; Ипат полудлежал на куле с мукой и говорил, адресуясь не то к придорожному березкам, не то к самой Каурке:

— Оно, хоша в киперивате и очередь долга, зато мука киперативная, балот, важнецкого свойства и качества.. Марья хлебушка из новой муки напекет и, чай, не облает, потому мука настоящая киперативная... И тебе, коняга, ломать от киперативного хлеба уделю, сольцей посыплю! Пошевеливай, нау!

Каурка рассмеялась..

Обернувшись к хозяину мордой, показала все свои желтые зубы, наморщила нос и замигала глазами.

— Ихххи.. Ихххи.. хи-хи-хи..

Но не понял кобыльего смеха Ипат.

Не понял,

Подумал, что от жары, комаров и оводов задурила Каурка.

— Ню!.. Пошевеливай! Не дури!.

И стеганул ее побольнее под пузо кнутом.

Дальше бежала Каурка, и хоть не говорил ей уж больше о кооперативной мучице Ипат,—время от времени ржала..

— И.. ихххи-хи-хи-хи..

Не разгадав кобыльих мыслей, под'ехал к дому Ипат, распряг Каурку, занес муку в избу и деловито поведал Марье о ней:

— Киперативная... Центрального рабочего киператива и первого сорту и качества.

И тут же добавил:

— С Кауркой чтой-то неладно... Ржет, сердешная, да этак зали-висто.. Чай, оводье одолело!

Месила тесто, ставила опару, сажала в печку Марья хлебы. Отдыхал Ипат, а на дворе под навесом тихонько ржала, не успокаиваясь, тощая кобыла:

— Ихххи-хи-хи..

Вынула из печки Марья хлебы Разрезала один..

Ойкнула. Выронила нож и ястребом налетела на Ипата.

— Пьяница!.. Сатана бесхвостая, где глаза твои были?!.. Дьявол! Ипат мял в руке липкий кусок черной, как уголь, замазки, жевал губами и почесывал лохматую голову.

— Думал, что мука всамделе киперативная, а она—кукурузная!..

— Хи-хи-хи.. —ржала Каурка на дворе.

Глупая лошадь, в простоте кобыльей души своей, издевалась над хозяином, доверившимся церабюпу, тогда как нужно плакать над этим обманутым доверием

Сергей Глинский.

Епо с душком.

В Лежневском ЕПО, Галичского уезда, председателем состоит бывший купец Разгуляев, счетоводом—поповна Благоднравова, а в ревкомиссии—лишенный голоса быв. жандарм Рупосов.

(Из заметок в газету).

Чудесам пора поверить—есть на свете чудеса! Вон в Епе живут три зверя, восхваляя небеса.

Вот подпрапор Разгуляев—сам купец и дезертир, он Епою заправляет, власть крепкоконько захватил.

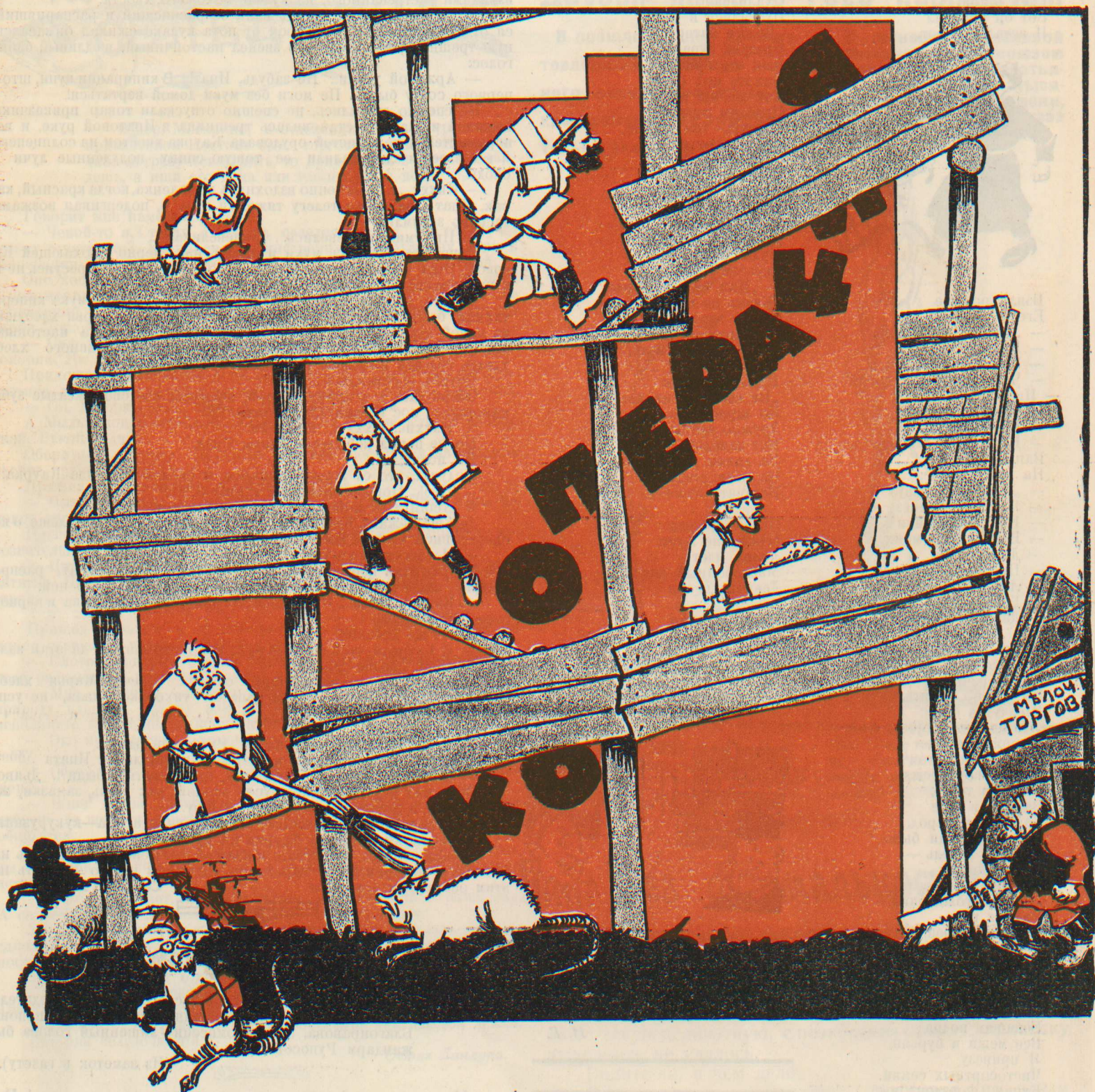
Благоднравова поповна (где кулак, там нужен поп) счетоводит очень томно и не нарадует Епо.

В ревкомиссии исправно—прямо тишь да благодать: председателем жандарма посадили проверять.

И живет да попивает тройка борзых проидох. А пора тому, кто знает, всех их выкурить, как блох.

НА КООПЕРАТИВНОЙ СТРОЙКЕ.

2-го июля—международный день кооперации.

Кирпич ложится на кирпич,
 Растет и крепнет здание.
 Спокоен может быть Ильич:
 Мы выполним задание.
 Кооперативный крепнет фронт,
 Сдается наглый частник.
 Стекайтесь же со всех сторон
 На международный праздник!

Растратам, пьянству есть предел,
 Долой их с нашей стройки!
 Коль враг пробраться к нам сумел
 Мы скажем: вй, постой ка!
 Мети, мети, моя метла,
 Почистить мусор надо,
 Чтоб кооперация росла
 И крепла нам в отраду.

КАК БУДТО СНИЖЕНИЕ.

Зимой в Кологривском ЕПО 400 грамм мыла стоили 22 к., а теперь 300 грамм стоят 24 к. („Ворона“ № 56).

- Скажи ка, милой, много ли сбавили с мыла?
- Сто грамм...
- Чудак, я не о весе, а о цене..
- Подняли на 2 копейки.

Гублесзаговские завтраки.

Как вы полагаете: сколько можно купить пар сапог на 1100 руб.? Не знаете?

Отвечаем: столько, сколько их можно сносить ходившим за получением 1100 рублей из Кологривского уезда в гублесзаг.

Не верите?

Вы думаете, что этим я хочу упрекнуть наши кожзаводы в недоброкачественности товаров?

Ничуть не бывало. Такую сумму можно вполне израсходовать при наличии самых высококачественных сапог. Вы только слушайте.

Работали в Кологривском уезде две артели, по выработке лесоматериалов для лесзага.

Работали четыре месяца.

Много хлебушка съели и одежды порвали.

Пришло время деньги получать.

Телеграфируют:

— Ждем денег.

А им в ответ таково-то ласково:

— Завтра высылаем.

Но завтра прошло, и еще и еще. Денег нет. Снег стаял, весна наступила, а там и лето в середине.

Молчит лесзаг.

Борьба с засухой.

— Вы чего потребилку-то к речке перевели?

— Посырее местность, а то на горе усушки много было..

Взяли артельщики котомки, сухарей поклади, и айда в Костром.

А в Костроме им даже обрадовались:

— Вот, говорят, хорошо-то. Вас и ждали. Приходите завтра денежки подучите.

Пришли „завтра“.

— Простите, говорят лесзаговцы: придется завтра придти—мелких нет.

Ладно, подождем, думают артельщики: один день куда шел.

Так тридцать дней прошло. Сели все сухари, желудок подводит, а от „завтраков“ сытее не становится.

Пришли в „Ворону“.

— Так и так, говорят,—помоги.

А „Ворона“, конечно, с удовольствием.

Верное средство.

Д. З.

Слопали прибыль.

Отчет правления потребилки... Слова, как осенью туман... Скребнут все пайщики затылки: „Балансы. Цифры. Прибыль. План“. Ну, ни черта не понимают... Кричат:—Давайте перерыв! Хоша на час—наняться чаю! Докладчик тоже еле жив. Собрались в хате у Семена. Кинит ведерный самовар. Под лавкой—четверть самогона.—Закуски нет!—сказал Увар. Нажали члены на правление:—даешь бесплатный закусок! А к чаю баночку варенья!—Вот это правильный фасон! Прикащик—в лавку.. Вот—сеledка, баранки, сахар, колбаса.. И в перерыве мирно глотки перемывали два часа. Отчет продолжен: Вдруг несмело раздался заданный вопрос, и все собрание загалдело.—А много ль прибыли принес!? Докладчик, мрачный, как могила, сказал в затылке поскобля:—В обед еще с полсотни было, сейчас—убытку два рубля! Орет, волнуется вся сходка:—куда-ж ушло за два часа?—Сожрали, граждане.. Сеledка, баранки, чай да колбаса!

Председатель ревкомиссии Бураковского общества потребителей, Вычихинской волости, Морозов, частенько является в лавку пьяным и начинает делать ревизию.

Селькор Зритель.

— Ах, боже-ж ты мой! Вот-то гость желанный! Пожалуйте, пожалуйста! — лебезил казначей Квочкинской потребиловки, высаживая из шарабана ревизора из райсоюза.

Ревизор, кучерявый, как ягненок, прыщеватый малый, надувшись, словно жаба, важно вылез из экипажа с объемистым портфелем.

— А где у вас совет? Мне квартиру-бы!

— Нет у нас квартирок. Приезжие завсегда либо в совете, либо в школе... Да вы не извольте беспокоиться — пожалуйста ко мне: тихо, спокойно и удобно, как дома! Не подрезгайте!

— Стесню я вас, пожалуй!

— Помилуйте, — за счастье почти! И домишко, вон он рядом. Прошу вас.. Довольте портфельчик-с!

Казначей многозначительно мигнул стоявшему в почтительном ожидании приказчику и повел гостя в дом. Через полчаса на столе шумел самовар. Из пузатого с петухом графина в рюмки булькала чистая, как слеза, струя; кружочки колбасы с чесноком приятно щекотали ноздри, а ревизор после каждой рюмки наседавал на селедку с яйцом.

Когда бутылка уехала до дна, в руках у приказчика растянулась гармонь, и под залихватскую „барыню“ с перебором казначей и ревизор — оба с посоловелыми глазами — впереворот усеяли владелицы каблучки в пол, аж рюмки звенели, и обмолачивали плечами и спинами притолоки, косяки и печку.

Первым проснулся казначей и растолкал приказчика.

— Слетай, прилепи к дверям записку: „По случаю ревизии торговли не будет“, да наладь там все, чтобы в аккурате! Счетоводу скажи, чтобы книги приготовил!

— Жена! — позвал он по уходе приказчика: — бери-ка поживей иголку с ниткой: мы вчера все карманы гостю с френча пообрывали, а я и так обойдусь! — и казначей напялил пиджак, чтобы скрыть дыру в рубашке — от ворота и до пояса во всю спину.

Ревизор поднялся лохматый, с красными глазами.

— Пожалуйте умываться! Самовар готов и лепешки свежие! И полдиковинки есть на похмелку!

— С чего изволите начать? — спросил казначей, вводя ревизора в лавку.

— С отчетности! — отвечал тот, напустив важности.

Счетовод разложил перед ревизором немудрящую бухгалтерию. У ревизора трещала башка, мутило. В глазах плавали мутные круги, и цифры сливались в одно туманное пятно.

— Какая тут к черту проверка. Огурца бы соленого! — подумал он и сказал:

— Ну, тут все как будто в порядке — перейдем к товарам!

Лавка, прибранная заботливыми руками приказчика, блистала чистотой.

— А как у вас хранятся товары? Огурцы, например, — не портятся, не плесневеют?

— Как можно-с! Федя, покажь огурцы!

— Ничего — я сам! — Ревизор запустил руку в бочку и выбрал самый большой огурец.

— Эх, хорошо! — хрюкая, с облегчением думал он. — А в другой бочке как? — спросил он, выуживая новый огурец. — Как будто пахнет сыростью? Или я не распробовал? — говорил ревизор, уплетая четвертую штуку.

Немного отлегло.

— Ну, а как — товары-то с книгами сходятся?

— Не извольте беспокоиться! Можете сверить. А впрочем, — солнышко-то эвона где... Пора и обедать. Натощак-то нешто скоро все сверишь. Прошу вас!

Обед, как полагается, с подмочкой. А поевши, ясно, надо отдохнуть Легли.

Когда ревизор проснулся, в окошко светила луна.

— Ну что-же, продолжим?

— На ночь глядя-то? Что вы! Еще в недобром в чем обвинят по ночам в лавку ходить. С утра уж.

— Утром мне надо в другую лавку. Зажги-ка лампу, я акт составляю!

Расписал ревизор акт с разными выкрутасами, расхвалил казначея и приказчика и скрылся за околицей, провожаемый новыми друзьями...

На собрании в райсоюзе ревизор, картинно выпив стакан воды, сладко пел о работе Квочкинской потребиловки.

Когда он сделал паузу, чтобы налить второй стакан, председатель сунул ему записку, в которой стояло:

— „Закрой свою плевательницу. Только что получил письмо — ложноэта потребиловка: у приказчика половины товара нет, а казначей удрал с деньгами...“

А. Стовацкий.

Не обо всех, но о многих.

За прилавками у нас много есть глазающих, Хорошо бы к нам сейчас торговать умеющих.

Хоть запросы велики, но порой из городу Приезжают чудаки — только чешешь бороду.

Прикатил один в село — быть ему оратором — Ну, а он себе на зло стал кооператором.

Был другой, хороший врач делал операцию, Но решил поехать вскачь на кооперацию.

Быть бы третьему попом по его влечению, Да попал бедняк в ЕПО не по назначению.

Тьма сапожников, портных, кино-операторов, Только жалко — среди них горсть кооператоров

И сомнение берет: тут тропа опасная, Так пожалуй не умрет обдиралка частная!

И. Прохожий.

КООПЕРАТИВНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

— Ну, как у вас в кооперативе снижение цен происходит?

— Да ничего. Правда, на товары цены еще не снижены, но снижена цена на кооператоров — теперь им грош цена.

— Что, каково у вас новое правление кооператива?

— Ничего себе.

— Ну? А у нас так все себе.

Скидки нет из-за накидки.

— У нас в селе давно пора на цены в лавке сделать скидку!

— Вот через месяц — полтора, — сейчас там в кассе есть дыра: жене приказчик сшил накидку!

Гулик.

Происшествия.

Неспокойное село.

Что за шум в селе Поддубы, гам и визг стоит кругом? Это свежий номер „Зуба“, вишь, читают всем селом.

Резня.

А в деревне Малы-Гребы, до чего же страшно там, — перерезать землю ладят к осени по едокам.

Пожар.

Весть с тревогой прокатилась от деревни до села:

— Слышь, ЕПО у нас закрылось прогорело, брат, до тла!

Дань времени.

— Папа, почему ты говоришь, что у кооперативного казначея чемберленовские замашки.

— А как-же? Второй раз с поддельными счетами поймали.

Ку-ку-ре-ку.

„Стихийное бедствие“.

На границе Игдовской вол., Галичского у., обнаружены 16 хуторов, которые не входят ни в какую губернию и не платят налогов.

Вестник. 27

— Спасайся, кто может!

Кооперативная пропаганда.

Мало планов, циркуляров и разговоров—кооперация требует живой работы.

Лето!.. Лето!.. Что ты можешь сделать с человеком! Под твоими лучами согревается даже семидесятилетний виковский сторож Потапка. Злые становятся добрыми, дураки—умными и, наоборот, умные начинают глупеть.

Даже в дёбри бумажных планов, циркуляров и отношений ты вносишь свою освежительную струю.

Помилуйте ..

Пахнет сеном над дугами,

Песни душу веселят.

За окном солнце. Петух—индивидуальный властелин—что-то строго и внушительно гогочет своим многочисленным алиментчицам. А в комнате, за столом, кооператор задумчиво грызет карандаш. Его лицо выражает скорбь, плечи опустились, точно вся тяжесть мировой революции легла на него в это знойное летнее утро.

Не мешайте кооператору: он пишет план.

„В целях отражения международного дня кооперации“... выводит карандаш и останавливается.

А что дальше? Ну, отразил, а дальше то что? Рука лезет за помощью в затылок.

Ах, да, вспомнил!

...Не откладывая, заняться подбором плакатов и лозунгов к международному дню

Кооператор удовлетворен. Пункт весьма важный. Ведь он может предрешить судьбы китайской революции. Пусть узнает изменник Чан-Кай Ши безумную ненависть кооператора из Захудаловки

Кооператор вдохновлен.

„В связи с благоприятной погодой приурочить открытие красного уголка“.

Рука останавливается, не окончив фразы. А вдруг погода будет плохая. Небесная канцелярия чужда идеологическим порывам кооператора из Захудаловки.

Она еще до сих пор держится и склонна нагадить там, где требуется единство кооперативного фронта.

— Этого не может быть!—твердо решает кооператор: если план будет согласован в райсоюзе и подшит в дела коопсовета, погода должна идти в ногу с планом.

Карандаш ставит точку.

Летние мотивы кончились. Сердце кооператора сжимается при мысли о зиме. Грош цена плану, если он не предусмотрел зимних вопросов.

Он пишет:

„Необходимо добиться на зимний период включения в план работы юных пионеров кооперативной пропаганды“.

Точка. Все. План составлен.

Кооператор закладывает руки за голову.

— Эх, можно бы еще что-нибудь наворочить; да чевой-то не хочется.

В это время через плечо, на его работу заглядывает десятилетний пионер Колька.

— Папа! А что это за кооперативная пропаганда среди юнов?

Кооператор вздрагивает от неожиданности, некоторое время что то соображает, потом схватывает ремень и кричит взбешенным голосом:

— А, вот, когда я тебя ремнем чихвоцу, это и есть пропаганда! Лего.

За огородам, возле сломанной вербы плачет жертва кооперативной пропаганды, Колька.

Вы скажете, так не бывает. Присмотритесь внимательно вокруг.

Д. З-ный.

МЕЖДУ ДЕЛОМ.

Ребус.

Загадка-шутка.

Сколько раз надо сказать букву, чтобы получить сельско-хозяйственную машину?

Зоронье радио.

Страшная засуха.

Слободка (Шишк. вол.). Засуха в Слободке принимает страшные размеры. К примеру, 2 фунта масла, купленные в Петряевском кооперативе, во время взвешивания его приказчиком, усыхают на полфунта.

Знаменитый певец.

Мисково. Лишенный права голоса гражданин Рошанс забрался председателем Вежевского кредитного товарищества и теперь свободно рычит на всех басом.

Голову потерял.

Степино (Курнов. вол.) Г. Шкиперов, ездивший за товаром для Понизовско-Тчаниковского кооператива, на обратной пути растерял и выпил 2 ведра и 17 бут. водки. Он же потерял голову. Нашедшего просят оставить ее у себя.

Режим экономии на 100 процентов.

Пречистенская вол. Один крестьянин, купивший в Ястребинском кооперативе 10 пуд. муки, к своему удивлению, когда ее перевесил дома, определил только 8 1/2 пуд. Приказчик говорил, что это он делает в целях режима экономии.

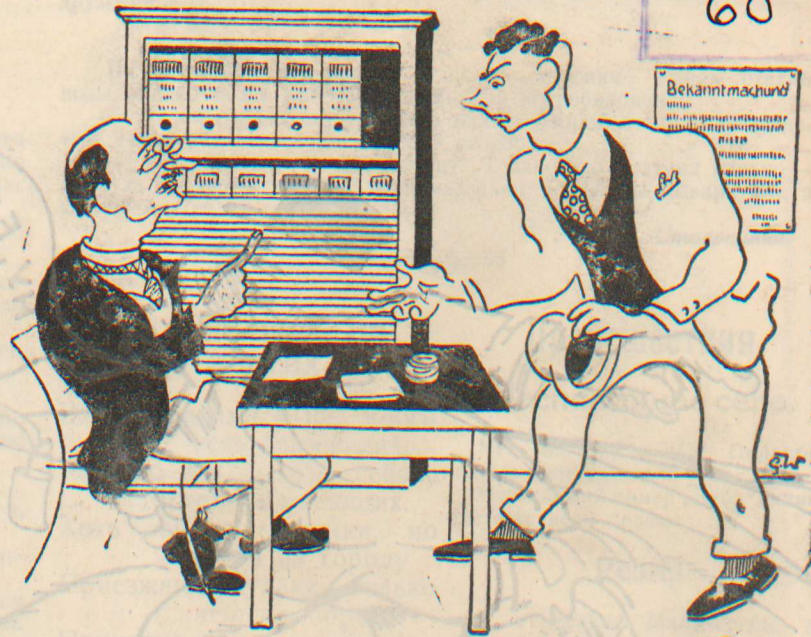
Наводнение.

Леонтьевский сырзавод. Наблюдается сильное наводнение, которое грозит убытками. Приносимое крестьянами молоко на 50% разбавляется водой.

Заразительный пример.

35

60

— Вы хотите эмигрировать в Англию для поступления на полицейскую службу? Ваша профессия?
— Взломщик несгораемых шкафов.

Из немецкого буржуазного журнала „Ульк“.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Громкоговоритель отдается на прокат в любое селение. Справиться в дер. Герентьево, Коряковской вол. Спросить Г. Лебедева, который горлопанит на собраниях и кроет всех матом.

Кирпичный завод начали строить крестьяне дер. Стрехово, Шишкинской вол. и, не окончив постройку, бросили его. Комитет взаимопомощи жалеет потраченный лес.

Сто рублей пропили в дер. Кошково, Левашевской вол., от общественного покоса. Весной крестьяне сами покупали сено по 50 к. за пуд. Беднота тужит.

Сорные семена скупают в дер. Прасникове, Шишкинской вол. В этом году ни одно хозяйство не сортировало семян, считая это роскошью.

Требуется исправник в село Новленское, Тетеринской вол., для занятия ответственной должности, так как избачем состоит бывший стражник.

Курсы по хищению леса преподает объездчик лесов госфонда Петров в Красносельской вол. Цель курсов — путем лекций разъяснить, в какое время можно ехать самовольно рубить лес.

Мирного быка продали, а деньги пропили крестьяне деревни Петрилово, Шунгенской вол.

Навозные вилы требуются в д.д. Асташково, Ляхово и Мартыяново, Шишкинской вол., на случай пожара. Крестьяне растеряли пожарный инвентарь и во время пожара горящие здания растаскивают навозными вилами и крюками.

Путь в Пекин.

„Мы завоюем путь в Пекин и там от имени национального Китая Гоминдан заговорит языком, которого не сумеет игнорировать Чемберлен.“

(Из заявления Е. Чена).

Язык культурных Чемберленов —

Аэропланы, танки, газ.

Язык многомиллионных Чемберленов —

Единство всех рабочих масс.

И если Лондоном по цепи

Приказ о наступлении дан,

То это только лишь укрепит

И волю масс, и Гоминдан.

И будет просто, ясно, внятно

Поймет Берлин, Калькутта,

Бери —

Когда, по „твердым лбам“ понятно,

Ударит словом Коминтерн.

Оправдывается.

Джойнсон Хикс в палате общин, отвечая на вопросы членов рабочей партии о результатах обыска в Аркесе, заявил, что пужный английскому правительству документ не найден.

Один разбойник днем среди

дороги

Рабочего до ниточки раздел,

Но вдруг рабочему явилася

подмога,

Разбойник даже скрыться

не успел.

Но наглости в разбойнике

не мало,

И, гордо голову подняв, он

заявил:

— Простите, этот вор мои

часы стащил,

И я искал, но их уже не

стало.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

К. Милль-Полярный, А. И. Стоврацкий (Москва); местные: Д. Захолустный, Ф. Федюняев, И. Вавилов, Н. Некрасовец, Светлый (Ярославль), С. Глинский (И.-Вознесенск); художники: Ф. Великосельский (Кострома) и Ф. Весели (Ярославль).